

ГАРОЛЬД
ЛЭМБ

ОМАР ХАЙЯМ

ГЕНИЙ,
ПОЭТ,
УЧЕНЫЙ

АННОТАЦИЯ

Гарольд Лэмб

Омар Хайям. Гений, поэт, ученый

«Центрполиграф»

Лэмб Г.

Омар Хайям. Гений, поэт, ученый / Г. Лэмб —
«Центрполиграф»,

Оригинальное беллетризованное жизнеописание Омара Хайяма – персидского поэта, ученого, государственного деятеля и поэта, обессмертившего свое имя и время, в котором жил, в своих непревзойденных стихах. Будучи астрологом при дворе хорасанского правителя Мелик-хана, Омар Хайям успевал заниматься астрономией, алгеброй, геометрией и конечно же сочинением своих удивительных четверостиший (рубаи), в которых философская глубина прекрасно уживалась то с тонкой иронией, то с едким сарказмом, то с нежной лиричностью. Каким же был этот человек, чьими стихами уже на протяжении столетий зачитываются люди на всех континентах? В каком мире он жил? Какие люди его окружали? Отвечая на эти вопросы в своей яркой, оригинальной книге, Гарольд Лэмб мастерски воссоздает экзотическую атмосферу средневекового Востока, где прекрасное и страшное слито воедино, где богатейшие культурные и гуманистические традиции, господствующие в среде интеллектуальной элиты, уживаются с религиозным фанатизмом и привычной жестокостью, бытующими во всех прочих слоях общества.

© Лэмб Г.

© Центрполиграф

Содержание

От автора	5
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гарольд Лэмб

Омар Хайям. Гений, поэт, ученый

От автора

Подлинные факты

Большинство действующих лиц моей книги показаны такими, какими они представляются по свидетельствам очевидцев того времени. Хасана ибн Сабаха легко описывать; его специфический гений дан в письменных свидетельствах того времени, в рассуждениях о нем его современников. Его собственный комментарий о событиях тех лет был утрачен, когда монголы сожгли Аламут спустя сто лет после его смерти (уничтожив замечательную библиотеку ассасинов¹), но многие авторы цитируют книги Хасана ибн Сабаха, и я взял на себя труд собрать эти ссылки, разбросанные по персидским и арабским хроникам.

Низам представлен таким, каким его описывают в исторических источниках, так же, как и Малик-шах.

Жизнь Газали изучена достаточно, чтобы описать его характер. Джафарак, Маймун, Исфизари, Му'иззи – исторические личности, изображенные мною так, как их описывают очевидцы. Но обо всех этих людях, за исключением, пожалуй, одного Му'иззи, известно немного.

Тутуш – персонаж вымышленный, но, как и Рун уд-Дин и Исхак, он – персонификация определенного характера того времени. Женщины – литературные персонажи, заимствованные из поэзии и древнейших преданий.

Так что моя книга – узор, составленный из старых мозаичных камней. Это – не портрет, поскольку никто не позировал мне при написании моего полотна.

Эта книга – повествование в восточном стиле. Это маканат – собрание эпизодов, рассказанных в едином повествовании. Немного записывалось в то время в Азии, но многое передавалось из уст в уста. И когда мы изучаем времена Омара Хайяма, мы вынуждены больше полагаться на подробные описания свидетелей, чем на исторические летописи. Историография как наука была почти неизвестна в средневековой Персии до нашествия монголов с их китайскими летописцами. И конечно же нам и не снилось отыскать нечто подобное европейским романам.

Эта книга как сама жизнь, потому что автор не знает, как еще назвать ее. Эта работа – в чистом виде плод моего воображения, но опирающегося на действительность, выполненная в восточном стиле. Автор полагал, что, как Чингисхан может быть представлен читателю более зримо в обстановке двенадцатого столетия в пустыне Гоби, чем подвергшийся современному анализу в исторической диссертации, так и кое-что в образе Омара могло бы быть открыто только благодаря описанию событий и обстановки, рассказанных в стиле, характерном для того времени и места действия. И в защиту этого моего видения проблемы я лучше всего приведу слова Каннинггема Грэхема из предисловия к последнему изданию «Странников» (Wayfaring men):

«Так что я приношу извинения за отсутствие должного анализа, тщательности в раскрытии ложных фактов, но более всего за то, что я правдиво говорю об этом широкой публике; за то, каким образом я скрутил в один клубок обрывки осенней паутины и пушок семян чертополоха, стрекозиные крылья восточных сказаний и факты из старинных воспоминаний».

¹ Детали ниспровержения ассасинов ордami хана Улагу и общая история того времени описаны в моей книге «Крестовые походы – костер ислама». (Примеч. авт.)

Наши знания об Омаре

История почти ничего не сохранила для нас из того, что можно было считать достоверными сведениями об Омаре. Мы считаем его дворцовым астрологом во время правления Малик-шаха. Мы убеждены, что он написал большинство четверостиший, обычно приписываемых ему; мы знаем его работы по алгебре, его комментарии к творениям Евклида, его исследования в области наиболее сложных разделов математики и астрономии и созданный им новый календарь. Существовал и его Дом Звезд («Обитель звезд») в Хорасане. Малик-шах, и это установленный факт, уважал его, в то время как Газали ссорился с ним. Его могила находится в городе Нишапур; он был рожден где-то в 1073 году, а умер за «несколько лет» до 1135 года².

И это все факты.

У нас есть предания, начиная с Низама из Самарканда³ и кончая неопределенными, более поздними комментариями шестнадцатого столетия. Они сообщают нам, что он был:

- несчастным философом;
- защитником научной греческой школы и до некоторой степени последователем учения Авиценны (Ибн Сина);
- крайне свободолюбивым мыслителем для своего времени;
- лентяем и одновременно трудягой, в зависимости от ситуации;
- бесцеремонным в общении, обладающим едким острым умом, стремительным характером и феноменальной памятью: однажды он записал по памяти огромный фолиант слово в слово, прочитав его всего лишь семь раз;
- величайшим мыслителем своего времени.

Другие традиционные источники утверждают, что он избегал споров, если это было возможно, но давал волю языку без ограничения, если уж вступал в дискуссию, чтобы другие ученые уважали его; при его появлении на людях толпа отступала со словами «Идет учитель», но религиозные деятели испытывали к нему ненависть, а возможно, и боялись его. Предположительно, за ним шпионили запрещенные секты. И время от времени его жизни угрожали.

Считается, что он никогда не был женат, и похоже, нет никаких упоминаний о детях.

Эти традиционные источники создают непоследовательное, но ясное впечатление о характере этого человека. Мы можем добавить к этому отрицательные заключения, что он не вмешивался в политику своего времени; а время от времени сопровождая Малик-шаха в его походах, он, кажется, не был придворным льстецом, наподобие Му'иззи. По правде говоря, он, как представляется, являлся полной противоположностью Му'иззи.

Итак, у нас есть некоторые характерные черты человека, идущего своим собственным путем в полном одиночестве, открытого для общения с другими учеными, но независимого от них в своих мыслях. Более того, его суждения, легко определяемые нами через «Алгебру», позволяют сделать вывод о том, что он имел глубокие познания в таких областях, как уравнения третьего порядка, решенные геометрическими методами, и он использовал гиперболы, о существовании которых он не мог узнать у древнегреческих ученых и которые не были повторно открыты в Европе до появления Декарта. Он также изучал еще более трудные вопросы, некоторые из них просто невозможные, по его определению. Во вступлении к своей «Алгебре» Омар пишет:

² В русской литературе встречаются несколько иные даты: родился около 1048 года и умер после 1122 года (См.: БЭС. М., 1988; Краткая литературная энциклопедия. М., 1968), 1131 года (Математический энциклопедический словарь. М., 1995). (Примеч. перев.)

³ Низами Арузи Самарканди. «Чахар Магал» («Собрание редкостей, или Четыре беседы»). (Примеч. авт.)

«Однако я не имел возможности сконцентрировать свои мысли на ней, будучи остановленным некоторыми неприятными обстоятельствами. Мы страдали от недостатка людей науки, число их ограничивалось только группой немногих, тогда как нерешенных проблем оказалось великое множество. Большинство наших современников – псевдоученые, которые смешивают правду с неправдой, которые не поднимаются над обманом и которые используют то немногое, что они знают о науках, лишь для целей материального обогащения. Когда они видят выдающееся намерение человека искать правду или того из нас, кто предпочитает быть честным и отдает всего себя устранению неправды и лжи, избегая лицемерия и предательства, они ненавидят и высмеивают его»⁴.

Шахразури, который написал «Возрождение душ» приблизительно на столетие позже того времени, когда жил Омар, оставил нам интересное мнение по поводу его характера:

«Его известность в астрономии и философии стала бы притчей во языцех, если бы он только был способен управлять собой».

Нет никакого сомнения, что мы имеем дело со всепроницающим умом, обладающим необычайными способностями. То, что он подозревал, что Земля вращается на своей оси, – просто предположение. Некоторые из мусульманских ученых его времени верили в это. Но, если бы они провозгласили подобное мнение, они встретили бы ярое сопротивление со стороны ортодоксальных исламистов.

Четверостишия о Колесе Небес

По крайней мере однажды Омар высказывается в четверостишии, что он уверен во вращении Земли вокруг своей оси.

Рубай, начинающееся словами «Ин чарк-и-фалак...», я перевел следующим образом:

Это Колесо Небес, которым мы поражены,
Есть не что иное, как китайский фонарь,
который все мы знаем,
Солнце – свеча, Вселенная – тень,
А мы возникшие из тени формы.

Персидский язык труден для перевода. Первые две строфы заканчиваются глаголами, имеющими противоположные значения, первое – «нам не постичь совсем», второе – «нам хорошо знакомо». Омар, очевидно, подразумевал, что нас ставит в тупик, озадачивает Колесо Небес, как, очевидно, он именуется звездный круг знаков зодиака, тогда как китайский, или обычный, фонарь мы воспринимаем с достаточной готовностью.

Третья строфа понятна. Все переводчики соглашались, что солнце – свет, или свеча, или лампа, в то время как земля или мир – тень. Но интересно, не означает ли персидское слово «алам» здесь Вселенную вместо Земли? Это – старое слово, означающее мир, но целый мир. Если Омар подразумевал Вселенную, он не мог использовать никакое другое слово.

И конечно же никакой астроном не стал бы думать о Солнце как о свече в пределах нашей Земли. Пожалуй, даже просто образованному человеку не пришло бы это в голову. С другой стороны, восприятие Солнца как свечи безграничной Вселенной совершенно понятно всем.

Последняя строфа наиболее интересна, именно она дает повод переводчикам по-разному переводить ее значение. Никола пишет, что, подобно теневым фигурам от китайского фонаря, мы остаемся в оцепенении, в то время как Уинфильд представляет их как «дрожащие формы», а Гарнер и Томсон оба придают заключительному глаголу более активное значение «в то время

⁴ Из «Алгебры» Омара Хайяма.

как смертные всего лишь бестелесные создания, фантомы, тень от которых мы видим запечатленной на века» и «мы подобны фигурам, которые вращаются в этом мертвом мире».

Пожалуй, только Никола и Уинфильда я не стал бы критиковать за отход от персидского языка. Очевидно, что трудности перевода четверостишия испытал каждый, включая Фицджеральда. Но если допустить, что Омар думал о Земле как о вращающемся шаре,двигающемся в космическом пространстве и освещаемом Солнцем, в то время как мы цепляемся за поверхность Земли в своем невежестве, все, без сомнения, становится на свои места. Вспомните, что он использует китайский фонарь⁵ для образного сравнения. А китайские фонари – не волшебные фонари, и при этом они не вращаются по кругу. И на них действительно изображены неодушевленные фигуры.

Фицджеральд, в свойственной ему манере, предлагает мысль Омара как красивое изложение без дословного перевода.

Мы не что иное, как перемещающиеся цепью
Волшебные Тени – призраки,
которые рождаются и умирают,
Совершающие свой круг
по Освященному солнцем Фонарю,
Который держит в руке в полночь Владелец театра.

Омар и исламские ортодоксы

Тот факт, что Омар находился в конфликте с религиозным ортодоксальным исламом, не вызывает сомнения. С одной стороны, он был обвинен в том, что водит дружбу с вероотступниками-ассасинами. Отзвуки того конфликта на территории Персии налицо. Часто, во время моего пребывания в той стране, я спрашивал, почему Омар столь мало известен сегодня, и они отвечали дословно так:

– Мы, персы, имеем свою религию. Мы чтим труды Джалаледдина Руми, например, потому, что он вселяет в нас набожность. Он позволяет нам понять наши собственные мысли. А Омар Хайям был тем, кого вы называете «неверующим».

Нет никаких свидетельств, что Омар имел какое-либо общение с Хасаном или проповедниками из числа ассасинов. Но легенда о трех одноклассниках, Низам ал-Мулке, Омаре и Хасане, появившаяся много позже после их смерти, согласно которой все трое посещали одну школу и договорились помогать друг другу по ее окончании, позволяет предположить его близость к Хасану. И Омар, и Хасан являлись духовными лидерами Персии того времени; они появились на сцене в одно время и умерли с разницей до года друг за другом, Хасан был почти вездесущ в своих перемещениях по стране, и это было в его правилах приглашать людей, обладавших выдающимися способностями, в Аламут. Таким образом, весьма вероятно, что Омар был одним из гостей Аламута.

Мусульмане того времени путешествовали больше, чем в наше время. И поток интеллектуальной жизни был полноводным после того великого одиннадцатого столетия в Багдаде. Каждый, кто мог, совершал паломничество; известны путешествия ибн Юбера, аль-Бируни, Назира-и-Хосрова и многих других людей того времени. Сам Малик-шах провел в седле большую часть своего царствования. Могущественные караваны из Китая, Индии, Константинополя прошли через Хорасан. Весь исламский мир был, если так можно выразиться, на колесах.

⁵ Любопытно, что слово, использованное для обозначения фонаря, *fatous*, как видно, взято из греческого, а не из персидского языка. (Примеч. авт.)

Омар Хайям совершил паломничество, неизвестно только, в Мекку или Иерусалим. Его четверостишия создают впечатление, что он не прожил большую часть своей жизни, подобно Хафизу, на одном месте; без сомнения, он сопровождал Малик-шаха в его походах, а Малик-шах находился в Сирии в 1075 году, когда его сельджукские турки взяли Иерусалим.

Когда я был в Персии, я встретил очень мало людей, знакомых с могилой Омара, хотя они много рассказывали мне о местах погребения Хафиза, вне стен Шираза, и Авиценны в Хамадане. Один человек рассказал, что он слышал, как мешхедские паломники пытались найти в Нишапуре могилу Омара Хайяма, чтобы плюнуть на нее.

В Персии сегодня стихи Хафиза, Джаами, эпос Фирдоуси и выдающиеся творения Руми, его «Месневи», оцениваются много выше четверостиший Омара, которые менее известны и менее востребованы. По правде говоря, я не испытывал никаких трудностей в приобретении хорошо изданных книг Хафиза, Джаами и Руми, но ни разу не встретил ни одного издания стихов Омара.

Известно, что календарь Омара был отменен сразу после смерти Малик-шаха и что Омар на старости лет оказался, можно сказать, в опале, вне двора, добровольно или по воле владыки, и вне академий⁶.

Зная все это, представление об этом человеке становится более ясным и нам. Но есть еще одно мерило, помогающее нам понять его, а именно – его рубай.

Четверостишия

Я читал в первоначальном персидском варианте большинство стихов, которые, полагают, принадлежат перу Омара. Мой перевод тех стихов разбросан по диалогам Омара повсюду в этой книге.

Но при изучении четверостиший создается более ясное впечатление об его индивидуальности. Не по сравнению с современными идеями, а по сравнению с письменами и известными персонажами и мыслями людей того времени. Ощущая, а это соответствует действительности, присутствие Омара, возникающего из его четверостиший, и накладывая этот призрак на яркие примеры стремлений, безумия, догмы, суеверия и тоски, получаешь четкий образ героя.

Он – из числа тех, кто, подобно Авиценне, восстал против догматов своего времени. Тогда как восстание Авиценны оставалось умозрительным, Омар был страстен в своем сопротивлении им.

Восточные ученые, да и сами персы уверяют нас: несмотря на многие культы и школы мыслителей, которые объявляют себя последователями Омара в настоящее время, поэзия Омара является отражением его собственной жизни. Это – плод его жизненного опыта, лишь время от времени находивший отражение на листе бумаги. Они не предназначались, как мы теперь говорим, «для печати».

Читая их в оригинале, нельзя избежать ощущения, что его поэзия предельно реалистична. Когда Омар говорит о вине, он имеет в виду вино; он не использует скрытых аллегорий

⁶ В нашей книге мы выдвигаем два положения, отличающиеся от общепризнанных в науке. Во-первых, даты рождения Омара. Здесь рассматривается дата, приблизительно на десять лет не совпадающая с общепринятой датой его рождения (приблизительно 1052 г. вместо 1043–1044 гг.). Жизнь Омара почти полностью совпала с жизнью Хасана ибн Сабаха, даже при более поздней дате рождения, эти два человека будут идти по жизни рядом в течение более чем семидесяти лет вплоть до смерти. Изучение дат жизни людей, которые знали Омара при жизни, по моему мнению, указывает, что он был моложе, чем принято считать, когда начал свои астрономические изыскания в обсерватории. Ему, по-видимому, исполнилось двадцать лет, когда он принял ответственность за обсерваторию. Во-вторых, я считаю, что Омар был наполовину арабом. Это подтверждает его собственное имя и имя его отца. Характер его ранних занятий соответствует некоторым личностным особенностям, таким, например, как краткость и прямолинейность высказываний, его терпеливое отношение к работе до самого конца и почти азбучная ясность его четверостиший – черты, не часто встречаемые в персидском. Возможно, что его отец был арабом. (Примеч. авт.)

суфиев и мистицизма своего времени. Когда он говорит о девушке, эта девушка из плоти и крови.

Но одновременно мощное воображение рождает иные образы. Когда Омар рассматривает кубок, он подчеркивает, что создатель этого кубка не разбил бы его о землю, тогда как самые прекрасные человеческие тела всегда искорежены или изуродованы под воздействием болезни, неизбежной судьбы. Он наливает вино из глиняной фляги и задается вопросом, не была ли эта глина когда-то вздыхавшим влюбленным, подобно ему прижимавшим губы к губам любимой, руками обнимавшим ее шею. Пьяное воображение? Весьма вероятно.

Но это вовсе не натуралистический реализм Назира-и-Хосрова, который мог говорить о высоких чувствах у навозной кучи: «Имея все богатства мира, я здесь дурак, что жаждал этого» – или удивляться: «О, почему ты сделал губы и зубы дикой красоты столь притягивающими глаз?»

И при этом его меланхолия весьма нетипична для многих персидских авторов, которые бывали часто более остроумными и более витиеватыми, нежели Омар Хайям. И правда, выводков лис и львов, устраивающих свое логово во дворце, где когда-то Джамшид высоко поднимал свой кубок, предостаточно. Но вот образ Бахрейна, устанавливающего множество ловушек и капканов на животных и пойманного наконец в ловушку смерти, не столь типичен.

Многие персы той поры могли бы написать: «Смотри, как соловей цепляется за розу!» Но в воображении Омара ветер сдувает красоту розы и рассеивает ее лепестки по земле, а человек может наслаждаться минутами отдыха под таким розовым кустом, который растет из земли, и быть погребенным в эту землю. Может, Хайям вспомнил об этом, когда сказал Низами из Самарканда, что его могила окажется там, где цветы опадают дважды в год?

Стихи Омара лишены типичных образов своего времени. Они страдают многочисленными труднообъяснимыми переходами из одного состояния в другое. С одной стороны, в них присутствует мотив огня, который пылает так часто: «Хайям, упавший в печь печали» и «О горение, горение, пепел. О ты, ставший огнем Ада, сделавший его таким ярким».

Омар горюет о молодости, оставляющей его; он кричит тому, кто подносит ему чашу, чтобы поспешил, потому что ночь его кутежа проходит. Он оплакивает друзей, которые оставили его одного на празднике жизни. Он вторит эхом рефрену Вийона: «Напился сильно страж градской в ночи». И все же Вийон мог написать себе свою собственную эпитафию, как человек, которого повесили, и он, раскачивающийся по воле ветра, обращается с молитвой об избавлении к «принцу Иисусу, который все равно владыка», в то время как Омар может вопрошать, вопрошать и вопрошать Всевышнего.

Его предсмертный стон слышен почти в каждом четверостишии. Луна, которую он любил, взойдет и зайдет, когда его не станет; цветы цветут на берегу горного потока, и он не должен наступить на них, потому что чья-то очаровательная головка может быть захоронена под ними; тело любимой – это не больше чем глина, на которой цветут цветы; его товарищи оставили его, и они никогда не вернутся снова.

Несмотря на версии различных переводчиков, Омар не молит о прощении, никогда не высказывает обвинений. Он задается вопросом, почему вино должно быть грехом, когда оно приносит избавление от воспоминаний. Время от времени он бросается высмеивать тех, кто предлагает успокоение иное, чем в вине, которое преобразовывает боль в забвение. Что еще может уменьшать его агонию?

Столь непрерывно это упоминание боли, что тот, кто следует за ним от четверостишия к четверостишию, становится сопереживающим эту боль. Нет никакого облегчения. Вам невольно хочется отбросить ее, дать отсрочку агонии борющегося духа. Но нет никакой отсрочки. Вы чувствуете, как человек умирает у вас на глазах и что он знает об этом. «Не поносите вино; в нем горечь лишь только потому, что вино – моя жизнь».

Возможно, простое человеческое страдание – особенность, которую мы не разглядели в Омаре.

Фицджеральд

Более семи столетий спустя после смерти Омара появился духовно близкий ему человек, который по крупицам собрал вместе стихи Омара и из них создал один из шедевров современной литературы.

Огромная популярность «Рубай Омара Хайяма» Эдварда Фицджеральда вызвала многочисленные обсуждения и комментарии.

Вопрос относительно того, сколько вошло в «Рубай» принадлежащего Омару, а сколько – Фицджеральду, обсуждался годами.

Но тот, кто читал в оригинале персидские четверостишия, не может не отметить, что Фицджеральд создал нечто новое и целостное из фрагментов стихов Омара. При этом Фицджеральд позаимствовал немного и у Хафиза, кое-что – у Авиценны. Он не переводил четверостишия Омара, а красиво излагал их.

Фицджеральд не написал ничего иного, что можно было бы сравнить с изложением Омара, и самые способные ученые не смогли бы в дословном переводе сравняться с неподражаемым изложением Фицджеральда.

Возможно, размышляя о четверостишиях Омара, этот немногословный англичанин почувствовал кратковременное озарение, связавшее воедино паутину стихов, пушок семян чертополоха, и воссоздал образ волшебного гобелена, сотканного из крыльев стрекоз.

Часть первая

Глава 1

Улица Продавцов Книг в старом городе. Нишапур, Хорасан. Год 1069-й по христианскому календарю

Тенистая улица, увитая виноградом, укрывавшим ее от яркого солнечного света, пролегла от пятничной мечети до парка. Где-то посередине, там, где улица совершала свой поворот, рос гигантский платан, у основания которого журчал фонтан.

Женщины, приходившие сюда со своими кувшинами за водой, любили посидеть в тени раскидистого дерева. Они ставили на землю наполненные водой кувшины и, перешептываясь, обменивались новостями, тогда как мужчины дремали в лавках, а ученики медресе, пробегая мимо лавочников, дразнили их:

– Эй вы, книжники, просыпайтесь!

Их крики всегда заставляли Ясми поеживаться. Юноши никогда не обращали на нее внимания, ведь она носила девичью белую накидку – чаршаф, закрывавшую лишь половину лица.

Эти юнцы пробегали мимо широкими мужскими шагами, а иногда даже бросали камнем в ее серого котенка. У некоторых пробивался легкий пушок на подбородке.

Ясми уже исполнилось двенадцать лет, она считала себя взрослой красавицей. Поэтому возмущалась тем, что носит детский чаршаф. Если бы ей позволили надевать полный чаршаф и она смогла бы поглядывать на юношей лишь из-за ставней женской половины дома, они непременно заинтересовались бы ею.

Но она помогала отцу в книжной лавке, а отец был стар и слаб, он с трудом двигался, потому что почти ослеп от пристального изучения всех этих заумных рукописей. Он больше думал об украшенном рисунками листе в труде Авиценны, чем о дочери. И его жены замечали Ясми только тогда, когда вспоминали, что ей можно дать какое-нибудь поручение.

Ясми слушала иногда, как отец читает мальчикам, но получала от этого мало удовольствия. Разве могла она понять, какие очертания приобретает созвездие Диких Гусей в ночном небе? Подобная премудрость – привилегия мужчин. Считалось даже, что у женщины и души-то нет, так что они были почти тем же, чем лошади и кошки.

Ясми поддерживала порядок в отцовской лавке, отыскивала для старика все, чего он сам не мог найти, и бегала по его поручениям в дом. А в промежутках она вышивала накидку или играла с серым котенком, усевшись таким образом, чтобы видеть все происходившее на обоих концах улицы Продавцов Книг.

Двое старшекурсников часто останавливались у лавки. Тот, что повыше, был Рахим – Рахимзаде, сын землевладельца. Он носил широкую красную с коричневым кабу⁷. Ясми это нравилось. Другой же вечно склонялся над книгами и читал вплоть до закатного часа, когда темнело и владельцы лавочек выходили на вечернюю молитву.

В тот вечер, когда Рахим купил книгу с картинками, ее отец сходил на угол и вернулся с большой плоской карамели для Ясми. Она с благодарностью ела сладости, так как они были баловством в доме, где царила бедность, а ее отец сидел погрузившись в раздумье.

⁷ Каба – вид мужской одежды. (Примеч. перев.)

Рахиму очень хотелось получить этот рисунок на обратной стороне обложки, изображавший султана верхом на лошади, поражающего своим мечом неверного...

Все это принадлежало миру мужчин, о котором Ясми ничего не знала. В своем воображении она создала образ, который лелеяла, – образ спокойного и царственного эмира, в одеждах из бархата и Дамаска, скачущего на белом коне по улице Продавцов Книг в сопровождении дюжины вооруженных саблями турок.

Этот достойный принц взглянул бы на Ясми глазами, полными страсти, и одарил бы ее отца подарками из серебра и алебаstra в обмен на его согласие отдать ему Ясми. И увез бы с собой в свой дворец у реки, где он укрыл бы ее от чужих глаз в павильоне с белыми лебедями и шелковыми занавесками и серебряными блюдами, полными засахаренных фруктов.

Всадник на белом коне всегда оставался бы предан ей всей душой и не стал бы обращать внимание на остальных своих жен, а ее дети стали бы для него самыми любимыми. Он никогда не позволил бы себе смеяться над ней...

– Рахим слишком много смеется, – заметила она.

– Да, – согласился с ней отец. – Ты права. Но почему бы ему и не веселиться, если он рожден благородным господином и к нему приставлены слуги, чтобы бегать туда-сюда по первому его требованию?

На секунду Ясми представила Рахима на месте эмира на белом коне. Это было бы неплохо. Однако Рахим оставался Рахимом. Однажды он бросил ей медную монетку, и она полировала ее до тех пор, пока та не стала блестеть почти как золотая. Она недоумевала, почему Рахим повсюду ходил со своим другом, сыном Ибрахима.

– Сын Ибрахима, – решила она, не выпуская из рук серого котенка, рвавшегося на улицу, – всегда молчалив. Наверное, он злой. Мне он не нравится.

Этот юноша ни разу даже не взглянул на нее. Обычно он спешил вниз по улице в своей аббе⁸ из верблюжьей шерсти, спадавшей с его широких плеч, и в небрежно накрученной чалме, словно его совсем не заботила одежда и то, как он выглядел. Он нетерпеливо пробирался сквозь вереницы бредущих ослов и под шеями верблюдов, словно ничто не могло свернуть его с выбранной им дороги. Бывая в лавке ее отца, он с той же решимостью погружался в чтение и брал одну книгу за другой, пока Рахим и ее отец беседовали о чем-то между собой.

– Ибн Ибрахим? – пробормотал ее отец. – О, этот не отличается молчаливостью в школе. Он спорит и насмешничает. На все воля Аллаха всемогущего, но добром это не кончится.

О насмешках Ясми знала предостаточно, ей не надо было ничего объяснять. Живя на женской половине, она на себе прочувствовала, что такое насмешки. Но день, когда камнями чуть не забили ее серую маленькую кошечку, дал ей повод для размышления.

Котенок сбежал, и Ясми отправилась его искать.

– Малеки, Малеки! – в отчаянии кричала она, пока не обнаружила свою любимицу на ветке платана на повороте улицы.

Но Малеки явно не собиралась спускаться по доброй воле. Полдюжины школяров из медресе бросали в котенка мелкими камешками, сначала лениво, от нечего делать, но потом все более распаляясь, с какой-то иступленной беспощадностью.

– Прекратите! – пронзительно закричала Ясми.

Но они не останавливались, и девочка разрыдалась.

Малеки казалась совсем беспомощной, она съежилась от страха, пытаясь удержаться на ветке. Ясми протиснулась сквозь толпу мальчишек и затопала ногами. Слезы текли по ее щекам. Она отчаянно рванулась к дереву и стала карабкаться на него, перебираясь с ветки на ветку, пока не добралась до котенка. Как только она взяла любимицу на руки, юнцы прекра-

⁸ Абба, или аба (араб.) – шерстяная накидка или широкий мужской плащ. Может быть односторонним и двусторонним. (Примеч. перев.)

тили бросать камни. Мальчишки утратили к котенку всякий интерес и ушли прочь, дальше по улице.

Но когда Ясми спустилась до нижней ветки, посмотрела вниз и испугалась. До земли было еще слишком далеко. И как это ей удалось взобраться сюда?! Прыгать, да еще с котенком в руках, казалось невозможным. Мужчины покинули свои лавки и уже направились большой толпой в сторону мечети. Никто из них не обратил внимания на девочку, каким-то образом оказавшуюся на дереве. Никто, кроме юноши, который подошел и остановился прямо внизу под ней.

– Прыгай, – серьезно сказал он, протягивая ей руки.

То был сын Ибрахима. Ясми не захотела прыгать.

– Нет, – покачала она головой.

– Йа-а бин! – Он подпрыгнул и, подтянувшись, уселся на ветку рядом с ней. – Ох уж эти девчонки!

Не успела она оглянуться, как он, обхватив ее вместе с котенком, спрыгнул. У Ясми перехватило дыхание. Серая кошечка жалобно попискивала, вцепившись в чалму мальчика. Когда они очутились на земле, сердце Ясми отчаянно колотилось в груди. Ибн Ибрахим улыбался, глядя на нее сверху вниз своими темными лукавыми глазами.

Он отцепил Малеки.

– О аллах, – сказал он, – обе вы такие цепкие!

Ясми вытерла слезы и выкрикнула:

– Не дразнись!

Но тут же испугалась и убежала в тень виноградной беседки. Весь тот вечер она вспоминала его смеющиеся глаза, обращенные к ней, и играющие мускулы его сильных рук, которые удержали ее.

С тех пор Ясми могла думать только о нем, о сыне Ибрахима. Теперь она не рассматривала всадников, проезжавших вдоль парка в конце улицы, она садилась там, откуда могла наблюдать за воротами медресе, и, когда в них показывались ученики и среди них мелькала его по-юношески нескладная фигура, Ясми стыдливо отворачивалась, пряча вспыхивающие щеки.

Правда, краешком глаза девочка наблюдала за ним. Она вдруг заметила, как прямо он держался и как уверенно ступали его сандалии по гладким камням. Его губы были полны и алы, а когда он улыбался ей, его смуглое лицо становилось нежным.

Дабы привлечь его внимание, Ясми испробовала самые разные способы. Как-то, взяв пудру своей старшей сестры, она напудрила лицо и насурьмила веки и ресницы. В другой раз сплела венок из цветов жасмина и якобы случайно (она видела, как ее сестра прибегала к подобной уловке) уронила этот венок, когда Омар проходил мимо лавки. Юноша поднял венок и положил его обратно ей на колени, а затем продолжил свой путь, после чего Ясми целый час скрывалась от людских глаз.

Волнение и смущение переполняло девочку. Не слишком ли далеко она зашла?

Ясми долго изучала себя в бронзовое зеркало своей матери и решила, что она красавица. Она воображала себя укрытой паранджой и покрывалом; таинственной и соблазнительной, будто ее благосклонности добивались мужчины, как если бы она родилась дочерью эмира. Когда женщины считали ее мирно спящей в своем углу на стеганой подстилке, она доверяла свои фантазии серому котенку, она думала об ибн Ибрахиме.

Когда он приходил в лавку, Ясми наблюдала за каждым его движением: как он устраивался читать на краешке коврика, куда падал солнечный свет; какие книги он выбирал; как он хмурился и водил пальцем по исписанным местам. В лавке была одна книга, которую этот юноша особенно часто рассматривал.

Когда лавка оставалась в полном ее распоряжении, Ясми перелистывала эту книгу с множеством рисунков, полных кругов и линий и странных квадратов, разрезанных на части. Она

не сумела бы прочитать эту книгу, но запомнила ее хорошо и однажды решила спрятать ее среди других больших рукописей.

Когда Рахим и ибн Ибрахим вошли, она улыбнулась высокому студенту, и оба юноши посмотрели на нее.

– Эх, Ясми, – сказал ей Рахим, – какая новорожденная луна или гурия может соперничать с твоей красотой?

«Какие, – подумала она, – красивые слова и приятная речь». Она потупила очи, а потом вскинула их внезапно так, чтобы Рахим мог их оценить.

– О, я ведь незащищен. У меня нет щита, чтобы отразить подобные разрушительные стрелы твоего очарования. Будь милосердна! – продолжил он свои хвalebные речи.

Ясми улыбнулась ему, но прислушивалась, не ищет ли ибн Ибрахим свою книгу. Девушка притворилась, будто нечаянно опрокинула груды рукописей, и выхватила из нее красную книгу с рисунками. Но при этом она случайно порвала страницу поперек. И в этот момент послышались медленные шаги приближавшегося отца. Он не видел случившегося. Ее сердце гулко застучало, когда она вспомнила, что это был один из самых лелеемых им фолиантов. Отец заметил порванный уголок, торчавший из книги.

– Это я случайно порвал страницу, – внезапно произнес ибн Ибрахим. – Придется мне купить эту книгу. Какова ее цена?

– Евклид со всеми диаграммами?! – Ее отец не скрывал своего удивления. То была дорогая рукопись, и оба они, Рахим и ее отец, знали, как мало мог себе позволить потратить сын Ибрахима.

– Даже в библиотеке Нишапурской медресе нет такой копии со всеми диаграммами, – начал было отец Ясми.

– О, – вмешался Рахим, – я куплю эту рукопись, поскольку я хотел сделать подарок Омару, сыну Ибрахима Палаточника⁹.

Омар вспыхнул и сжал красную книгу в своих сильных пальцах.

– Но не говори только, о ты, продавец старых книг, – рассмеялся Рахим, – будто эта книга принадлежала самому султану Махмуду и он всегда хранил ее подле своего золотого трона. Красная цена ей не больше четырнадцати динаров¹⁰, поскольку принадлежит она перу неверного грека, умершего давным-давно.

– Нет. – Отец Ясми начал торг. – Даже простой список с этого экземпляра без чертежей стоит вдвое дороже. Один лишь переплет...

Битый час Рахим и ее отец обсуждали цену, и все это время Ясми напряженно вслушивалась, догадываясь, как хочется Омару обладать этой книгой. Наконец Рахим приобрел ее для друга за девятнадцать золотых динаров и несколько медных монет. Про порванную страницу больше никто не вспоминал.

Оба студента покинули лавку, и Ясми увидела, как Омар остановился и вытащил из пояса свой пенал, покрытый изящной росписью. Он сунул пенал в руку Рахима и отбежал, отказываясь принимать его обратно.

Тот вечер стал незабываемым для сына Ибрахима Палаточника. Придя домой, Омар поспешно проглотил ужин, вымыл руки в фонтане и тщательно вытер их о чистую овчину. Он принес еще одну лампу, зажег ее от факела, который светил во внутреннем дворе, затем направился в свою комнату.

Это была глиняная надстройка на крыше дома, предназначенная для сушки лука и пряностей. Юноша выбрал ее, поскольку она стояла ему всего лишь несколько медных монет за

⁹ «Хайям» дословно обозначает «палаточник» или «швец палаток». Его отец принадлежал к роду тех, кто шил палатки, шатры и купола для базарных площадей. (Примеч. перев.)

¹⁰ Динар – старинная золотая монета в арабских странах. (Примеч. перев.)

лунный месяц, и именно там он находил по ночам уединение, и именно там перед ним открывалась вся панорама звездного неба.

Когда дуновение ночного ветра проносилось над равниной, пучки связанной травы и луковые косы шелестели, словно ветер давал им жизнь. Лежа на своей стеганой подстилке, Омар мог вдали, над крышами домов, видеть круглую башню дворца султана.

Сейчас он облегченно вздохнул, заметив, что нет ветра. Он зажег еще одну лампу и поставил обе лампы в стенную нишу. Положил книгу Евклида на отполированную доску для письма и начал медленно, с трепетом переворачивать страницы. Все это было намного интереснее занятий в классной комнате, где они, как попугаи, повторяли сказанное наставником.

Его взгляд под густыми, высокими дугообразными бровями стал сосредоточенным. Рука потянулась за чернильницей с пером и листом хлопковой бумаги, с которой он смыл причудливые письма прежних лет. С помощью линейки и циркуля юноша нарисовал конус и аккуратно разделил на части.

Ряды цифр выходили из-под его пера, и он погрузился в вычисления. Вся окружающая его обстановка – глиняный навес, лампы, даже книга – уже не существовала для него. Он работал... Вдруг знакомые звуки на мгновение отвлекли его.

То был голос муэдзина, созывавший на ночную молитву, и смутное беспокойство охватило юношу. Он должен вознести молитву – книга в его руках была написана неверным. Он прищурился на лампу и вновь погрузился в вычисления.

Перед наступлением полуночи его снова потревожили. Внизу, на улице, он услышал звуки шаркающих бегущих ног, потрескивание факелов и хриплый голос. Подойдя к краю крыши, он увидел толпу, собравшуюся вокруг изможденной фигуры в черной чалме вокруг головы.

– Слушайте, о благоверные!

Фигура распростерла руки, и Омар узнал в нем ханбалита¹¹, фанатичного приверженца ислама.

– О благоверные! Настанет день, он близок, когда вы, погрязшие в праздности и лени, будете призваны. Наступит день, когда вам придется браться за меч против неверных. Когда тот день наступит – вы услышите трубный клич, призывающий вас покинуть свои постели в обители праздности, и взяться за меч, и гнать неверных, как гонит большой ветер песок перед собой. Внемлите моему предупреждению!

Весь в лохмотьях, ханбалит бил себя в грудь, оглушая в ночной тишине своим голосом зевак, следовавших за ним. Омар слушал внимательно, поражаясь и восхищаясь его красноречием. Но разве когда-нибудь султан не вел войн?!

Когда ханбалит удалился и его «О благоверные!» постепенно стихло и сменилось привычными смутными звуками, доносившимися с плоских крыш, Омар засмотрелся на созвездия. Неожиданно для себя он зевнул. Потянувшись своими длинными руками, он загасил лампы и лег на подстилку, натянув одеяло из верблюжьей шерсти на плечи. Еще через минуту он уже спал.

Случай дал Ясми шанс, на который она так надеялась. Мать послала ее за водой. Было легко нести пустой кувшин к фонтану под платаном; когда кувшин был заполнен, Ясми замешкалась, прежде чем попытаться поднять его над своей маленькой головой. Тут-то и появился Омар и остановился напиться воды, подставив под струю ладонь. В руках юноши не было книг, он не спорил с друзьями, и он задумчиво и серьезно, без улыбки, поприветствовал Ясми.

¹¹ По имени Ахмада ибн Хабала, одно из направлений среди суннитов. Наиболее ревностные хранители ортодоксального ислама и блюстители чистоты веры. (Примеч. перев.)

– погоди, скажи мне, – торопливо заговорила она прежде, чем он повернулся к ней спиной.

– Что сказать?

Она боялась, что он уйдет, так и не поговорив с ней.

– Мой отец говорит, будто ты – насмешник. Почему? Ведь это плохо.

Омар посмотрел на нее так, словно увидел перед собой попугая, который внезапно заговорил.

– Ведь намного лучше, – выпалила она, – не обижать людей и не дразнить их. Тогда... тогда они время от времени дают тебе сладости. Сколько тебе лет? И чем ты занят, когда не учишься в медресе, не размышляешь и не сидишь рядом с Рахимом?

– Что ж, слушай. – Омар улыбнулся. – Мне семнадцать. Иногда я хожу в лавку своего отца, он был из гильдии швцов шатров и палаток. Но он умер. А... Рахим... Рахим уезжает.

Ясми дрожала от любопытства. Она пугливо и смущенно посмотрела на юношу и осво-бодила ему место на камне рядом с собой.

– Расскажи мне, – порывисто заговорила она, – кем бы ты хотел стать? Чем ты занят там, в своих мыслях, когда у тебя нет дел и тебе не надо носить ни детей, ни воду, ни стирать...

Она запнулась, с тревогой сообразив, что у студента, позволявшего себе спорить с преподавателями медресе и умеющего читать суры из Корана, которые знал наизусть, были совсем иные занятия, нежели у нее, бедной простушки. Но ее опасения оказались напрасными, потому что Омар присел рядом.

– Мне бы хотелось иметь обсерваторию, – с задумчивой мечтательностью произнес он.

Она не понимала, о чем он говорит, но проявила осторожность, стараясь не допустить второго промаха.

– А потом?

– О, карту небесной сферы и таблицы звезд Птолемея.

Для создания обсерватории необходимо было значительно больше. Ясми показалось, что Омар мечтает о башне звездочета, которая будет принадлежать только ему, – нечто подобное павильону с белыми лебедями из ее собственных грез.

– Я поняла! – кивнула девочка. – Ты хочешь стать магом, как Сиди Ахмед, и читать судьбу по звездам.

Старшие женщины у них дома ревностно почитали Сиди Ахмеда, предсказателя.

Омару ее слова не понравились. Он нахмурил брови и заскрежетал зубами:

– Отец дураков, ревуший осел... со всей его чепухой, бормотаниями абракадабры и с этими его гороскопами!

Выходило, Омар не верил в предсказателей. Ему хотелось совсем иного. Но проворный и живой ум Ясми все же смутно понимал желания Омара. Юноша хотел использовать свою обсерваторию, чтобы измерить время. Для Ясми понятие времени начиналось с восхода солнца и первой из пяти молитв и заканчивалось светом звезд. И несомненно, имелась еще луна, дабы отмечать начало и конец месяца.

Омара, однако, не удовлетворяла луна. Луна совершала свой путь, оставляя много часов времени за пределами каждого года. Почему люди должны терять эти часы? В этой потере виновата луна, но люди не хотят оставлять привычку все мерить луной и начать истинный отсчет времени.

Ясми понимающе кивала ему, думая совсем о другом. Если бы Омар смог обзавестись своей обсерваторией и если... если бы он сумел полюбить ее хоть немного, она бы убирала там, и стирала бы для него чалму, и расшила бы ему шлепанцы. И они вдвоем прожили бы все отведенные им часы жизни в этой его обсерватории.

Теперь уже Ясми больше не хотела идти домой. Ей хотелось слушать голос сына Ибра-хима, смотреть, как солнечные блики играют на его гладкой коже, а его глаза то вспыхивают,

то гаснут. Она поняла, что без Омара жизнь ее станет пуста и ничто, ничто никогда не будет ее радовать. Она незаметно придвинулась к нему ближе, сжимая в руке розу, которую сорвала, чтобы приколоть к своим волосам.

– Тебе нравится? – едва слышно спросила она, когда он исчерпал свои обвинения в адрес луны.

– Что? О, это! Почему... – Он взял цветок и вдохнул его аромат. – Это твоя?

– Да, но мне хочется, чтобы ты ее взял... – пробормотала она, – и сохранил...

Ясми видела, как однажды ее сестра бросила бутон розы сквозь решетку балкона и молодой человек из Багдада подобрал его и прижал к своему сердцу. Ибн Ибрахим же только молча смотрел на розу; его мысли остались где-то далеко, рядом с луной. Ясми постаралась снова вернуть его к себе.

– Если у тебя появится твоя обсерватория, – Ясми думала, что обсерватория должна чем-то походить на круглую башню дворца эмира, – я буду рада.

Омар улыбнулся:

– Сколько тебе лет, Ясми?

– Почти тринадцать, – прошептала она. Девочка слышала, как ее мать и другие жены говорят, будто девочку можно выдавать замуж в тринадцать.

– Когда тебе исполнится тринадцать, я пошлю тебе розы, много роз.

И он ушел, удивляясь тому, почему он столько всего наговорил этому ребенку в полосатом платице с голодными глазами. Но Ясми не двинулась с места, ее темные глаза выдавали внутреннее волнение. Все ее тело трепетало от восторга. Звон ослиных колокольчиков и чьи-то крики доносились до нее, будто издалека. Вся улица словно переменялась, и все эти люди стали для нее незнакомцами. Где-то там, в глубине души появилось чувство, что никогда больше ничего не вернется и не станет для нее опять привычным...

Она не возражала, когда женщины отшлепали ее за баловство с водой у фонтана. Через некоторое время она выбежала и сорвала цветок розы с той же самой живой изгороди и отнесла его вместе с серым котенком в свой угол, где спала на стеганом одеяле.

– Пора бы, – заметила одна из женщин на следующий день, – и Ясми надеть покрывало и держать ее дома. Клянусь душой, все видели, как она битый час торчала у фонтана, болтая с каким-то безбородым студентом.

– Больше она не будет помогать в лавке, – согласилась ее мать.

Ясми ничего не сказала. Этого следовало ожидать. Наконец она наденет покрывало взрослой девушки, которой предстоит выйти замуж. Она не сомневалась, что никакие стены и решетки не смогут помешать ее любви. Но Омар пропал.

Глава 2

Караван-сарай в горах у великой дороги Хорасана в трех неделях пути груженого каравана на запад от Нишапура

Никто не спал в те первые ночные часы, просто потому, что никто не мог заснуть. Костры из колючего кустарника потрескивали на открытом внутреннем дворе; верблюды похрюкивали, мычали и вздыхали в отведенных им местах, где они могли улечься, подогнув колени; лошади жевали сено по углам, кругом бродили нищие со своими чашами и бесконечным «йа хакк».

Вокруг пустых котлов сидели мужчины, слизывая с пальцев остатки жира и риса, прерывая это занятие, чтобы бросить горсть сухих фруктов или медяшки в чаши нищих. Все они были настроены к нищим благодушно и по-своему проявляли щедрость, поскольку оказались втянутыми в опасное дело, весьма опасное. Впереди им предстояло много испытаний, а раздача милостыни считалась благочестивым делом и могла помочь заговорить судьбу.

Хозяин караван-сарая, напротив, кричал, что он не Моисей, чтобы найти воду там, где последние запасы воды исчерпаны, и подсчитывал монеты в своем потайном кошельке. То были беспокойные дни для его караван-сарая на хорасанской дороге; даже теперь, к середине зимы, ежедневно сотни людей, направлявшихся дальше на запад, чтобы присоединиться к армии, останавливались на постой.

Подстилки из овечьих шкур заполняли каждый сантиметр крытой галереи вокруг внутреннего двора. Кое-кто жег уголь в жаровнях, и отблески пламени освещали бородатые лица сгрудившихся кругом мужчин. Хорасанцы, персы и арабы, кутаясь в стеганые чапаны или меховые накидки, улыбались и что-то оживленно обсуждали, радуясь отдыху после невыносимо резкого горного ветра. Только гладко выбритые лица турок с маленькими глазками и высокими скулами оставались безразличными. Они привыкли к стуже, эти выносливые всадники из степей Центральной Азии; они были приучены к войне и скитаниям и при любых обстоятельствах не отличались многословием.

Рахим-заде, сын нишапурского землевладельца, к счастью, имел свою жаровню, а красивый и теплый халат, отороченный соболем, не позволял ему мерзнуть.

Однажды ночью в Нишапуре, когда он пил вино, укрывшись за запертой дверью, он услышал вопли фанатика ханбалита, и они, казалось, прозвучали как предостережение. Рахим, обычно равнодушный и ленивый ко всему, кроме развлечений, почувствовал, что и он должен обнажить свой меч в этой войне, после чего они вдвоем со своим молочным братом Омаром из рода швецов шатров, сопровождаемые толпой вооруженных слуг, отправились на соединение с войсками султана Алп Арслана, далеко на запад.

– В конечном счете, – заметил он, – это будет более захватывающее развлечение, чем преследовать антилопу в степи.

Семья Рахима принадлежала к старинной персидской знати, более древней, чем греческая. Его отличали безупречные манеры и пристрастие к крепленным винам. Он неплохо играл в нарды, но игра его быстро утомляла.

– Ай-ва-алла, – пробормотал один из его спутников, – как холодно.

Рахим зевнул. Было и правда достаточно холодно, да и грязно. Кроме того, в его спальные подстилки забрались клопы. Он поднял глаза и посмотрел на хозяина караван-сарая, который стоял за его плечом и не уходил.

– Может, это доставит удовольствие достопочтенному молодому господину, – зашептал малый, – там, в доме позади караван-сарая, у нас остановились женщины.

Достопочтенный молодой господин не проявил признаков раздражения или неудовольствия, и хозяин караван-сарая нагнулся ближе к его уху.

– Кое-кто из них из самого Багдада, весьма славные и хорошо обучены, – прибавил он, раскрашивая свой домysel об обитательницах соседнего дома, якобы тоже путешественниках. – Если предводитель воинов желает развлечься...

Поколебавшись, Рахим поднялся.

– Передайте сыну Ибрахима, – приказал он слугам, – я ушел ненадолго... побеседовать с друзьями.

– О горе мне, – пробормотал человек, который сильнее всех страдал от холода.

Люди из отряда с завистью посмотрели на Рахима, когда тот последовал за хозяином караван-сарая к лестнице. Для простых воинов женщин здесь не нашлось, но, если на то будет воля Аллаха, после того как сражение с неверными завершится, рабов хватит на всех. Погревшись еще у жаровни, все отправились спать.

Было уже поздно, когда Рахим возвратился, переступая через обессиленные тела спящих, укутанных в покрывала, словно в погребальные саваны. Он был утомлен и явно не в духе.

Омар, встав на колени на подстилке, раздувал жаровню и подвинулся, уступая место своему молочному брату.

– Откуда ты?

– Будь проклята вся порода хозяев караван-сараев, да пройдут они все семь кругов ада и задниц, – пробурчал Рахим. – Чтоб им землю есть!

Он рывком бросился на подстилку, довольный тем, что Омар не спит и есть кому пожаловаться.

– А ты-то где был?

– Бродил вокруг. О, там большая жизнь на дороге.

Омар улыбался: дорога всегда влекла и манила его, особенно дорога, пролежавшая по пустыне, ведь он родился в пустыне и в его жилах текла кровь арабских кочевников.

– Вон там – большой лагерь, а в лагере разбит шатер не меньше самого нишапурского дворца. И все вокруг заполнили вооруженные турки, с золотом, сверкающим на их шлемах. Мне удалось понять кое-что из их разговоров. Какой-то принц остановился там на ночлег. Я видел его.

Рахим вздохнул. Чем бы ни занимался Омар, он весь отдавался этому занятию, с головой уходя в него, стараясь все потрогать и проверить на себе. Война явилась для ибн Ибрахима чем-то новым, неизведанным, и он изо всех сил пытался больше узнать о ней. Он рассматривал незнакомых всадников, расспрашивал тех, кто останавливался на привал, и даже исследовал баулы, сгруженные с верблюдов. Омар нашел приключением даже переход вброд через реку, тогда как Рахим просто промок.

– Кто он? – спросил Рахим.

– Я не знаю. Этот господин восседал на красной подстилке у огня в палатке и разговаривал с какими-то учеными законниками, своими наставниками. Он года на два моложе тебя и носит кафтан из белого горноста. Эти ученые наставники убеждали его, будто та звезда, которую он видел, и есть Сухейл, но я-то знаю, что это не так. Никто не может увидеть Сухейл с этого места и в этот час...

– Верно, – торопливо согласился Рахим. – Но разве нет такой приметы...

– Что того, кто увидел Сухейл, ждет удача?.. Да.

– Так ты решился заговорить с этими турками? Но на каком же языке?

– На арабском, – объяснил Омар. – Мальчик-принц вышел из палатки, и я показал ему созвездия. Те, ученые, просто глупцы, изрекающие с умным видом всякую чушь...

– Ну вот, вертопрах, какого же дурака ты сваял, вступая с ними в спор. Неужели ты никогда не научишься не противоречить тем, в чьей власти просто заткнуть тебе глотку? – полусердито-полуиспуганно воскликнул Рахим. – И что же на это сказал принц?

– Он спросил, указывает ли положение звезд на какое-либо предзнаменование для предстоящей войны.

– А что говорят звезды?

Омар, этот юный школяр, не отвечал, рассеянно рисуя какие-то знаки на потрескавшейся сухой земле ножами кинжала.

– Если бы мы знали, Рахим, – медленно заговорил он, – мы превзошли бы самого Творца. О, если бы мы могли читать человеческие судьбы! И все же... я показал мальчику, в каких созвездиях расположились планеты...

– Мне ты не удосужился показать это, – возмутился его молочный брат. – И каково предначертание звезд?

Омар покачал головой:

– Слушайте Заратустру! Два короля готовятся к сражению, и небеса говорят нам: звезда восточного правителя восходит, звезда западного падает. Но вслушайтесь в пророчество, знание о смерти висит над обоими из них... – Внезапно Омар расхохотался: – Все это, если честно, ерунда. Но львенок так вытаращил на меня глаза, словно увидел перед собой призрака.

– Львенок! – От изумления Рахим широко раскрыл глаза. – Так это...

– Тот принц, в белом плаще. По крайней мере, они называли его Сыном Льва.

– Клянусь бородой моего отца! – задохнулся Рахим. – Разве ты никогда не слышал о Сыне Льва?!

– Никогда.

– Да проявит Аллах милосердный сострадание к тебе. В мире только один такой! Он – старший сын нашего султана, Алп Арслана, Бесстрашного Льва. Выходит, ты напророчил победу самому отпрыску властителя.

– Я не знал, кто он.

– Неужели кто-нибудь поверит тебе? Но более того, ты умудрился предсказать смерть его отцу, а этого, – Рахим судорожно прокручивал в голове возможные последствия, – а этого никто, ни один прорицатель в здравом уме не позволит себе сделать, во всяком случае во всеуслышание. Однако выходит, трон перейдет к Сыну Льва. И что сказал тебе принц?

– Он спросил мое имя, и я назвал себя. Он спросил, кому я служу, но я не назвал никого, сказав, что учусь в медресе в Нишапуре.

– Хм-м. Итак, насколько я знаю этих турок, наших властителей, коли Алп Арслан умрет, тебе дорога к этому самому Сыну Льва. Ты потребуешь место царского астролога. И не забудь назначить меня расстилать тебе коврик, само собой разумеется, за богатое содержание.

Омар покачал головой.

– Мне кажется, – Рахим настаивал, – из тебя, вертопраха, получится великолепный прорицатель. Нет никого, кто бы не верил тебе. О, Ярмек! – Он пнул одного из своих спящих рядом слуг. – Ярмек, подай мне кувшин в кожаной оплетке. И кубок.

Ярмек налил в кубок, подставленный Рахимом, вино. То самое, запретное вино. Рахим поспешно сказал себе, что такой маленький грех не сможет перевесить ту святость, которую они приобретут, сражаясь в священной войне. Омар, придававший всему этому мало значения, любил своего молочного брата и не стал ему противоречить.

– Однако, – заметил он, принимая кубок, – мы можем потерпеть поражение.

– Только не мы! – вскричал Рахим. – Наш турецкий султан, может быть, и обыкновенный воин, но он выигрывает все сражения. Это, по крайней мере, обоснованное пророчество.

Приятная влага освежила Рахима, и он опять наполнил свой кубок. Он представлял себя на поле битвы, смело оседлавшего своего черного коня и вырвавшегося впереди даже красного

знамени султана. Вот он прорывается между линиями двух армий и вступает в рукопашный бой с одним из христианских богатырей, каким-нибудь рыцарем в великолепной броне.

Юноша представлял себя побеждающим самого отчаянного неверного, слышал, как мусульмане славят его. Может, стоило отрезать голову своему врагу и бросить ее к ногам лошади султана...

– Послушай-ка, Омар, – повернулся он к брату.

Но тот уже свернулся калачиком на подстилке из верблюжьей шерсти и сладко спал, словно не существовало ни предстоящей битвы, ни славы, ни милости владык.

Глава 3

Долина реки Арзанас с видом на озеро Ван в Армянских горах, в пяти неделях пути груженого верблюжьего каравана к западу от Нишапура. Ранняя весна года 1071-го по христианскому календарю

Джафарак, шут султана, погрузился в размышления, сидя на своем белом осле. Короткие ноги торчали с обеих сторон худого, с торчащими ребрами животного. Алый плащ закрывал его высохшее тело. Только ясные карие глаза беспокойно поглядывали из стороны в сторону.

У Джафарака, изо всех сил старавшегося держаться поближе к мрачному султану, своему господину, не было сомнений в том, что им предстоит не совсем обычное сражение.

Они велели ему дожидаться у каравана, на котором помещалась поклажа, там, где собрались все исламские священнослужители – муллы. Как сказали они, там будет самое безопасное место. Но Джафарак сказал: «Нет».

– Самое безопасное место, – парировал шут, – окажется за спиной моего господина. Мусульмане никогда не пошлют туда ни одной стрелы, а христиане и знать об этом месте ничего не будут.

Это понравилось его господину, султану Алп Арслану Сельджуку, властелину мира, владыке Востока и Запада. Итак, Джафарак занял свое место рядом с красным знаменем и зонтом от солнца, предназначенным для султана, который вооруженные рабы держали над головой Алп Арслана. Султан больше не смеялся, в эти последние дни от мусульманских воинов требовалось большое терпение.

Поскольку Алп Арслан водрузил свое знамя поблизости от самой высокой точки долины, около стен города Маласгерд, перед ним раскинулась холмистая, плодородная долина. По этой долине выдвигалось воинство христиан, ненавистных руми¹², воинство, которым командовал сам император Константинополя – император, чьи предки были яркими противниками ислама вот уже на протяжении четырех столетий.

До сих пор Алп Арслан довольствовался набегамі далеко в глубь владений императора – направляя передовые отряды всадников в самые жизненно важные части Малой Азии, донные остающейся цитаделью Азиатского Рима. Эти передовые доверенные отряды терзали руми и вызывали в них ярость до тех пор, пока наконец император не собрал все свои силы для нанесения ответного удара этим осторожным туркам, которые бросали ему вызов столь смело и чьи предки, сыновья Токак Боумана, появились из необъятных просторов Центральной Азии, чтобы победным маршем пройти перед самым носом у Константинополя.

И вот сейчас император выступил со своей тяжелой конницей и тяжелой пехотой, наемными стрелками булгарами, шумными и неистовыми в бою грузинскими всадниками и дружественными армянами, сражавшимися за свою землю против нашествия ислама. Это огромное, медлительное воинство, гибрид, как и войско Сеннашероба, по слухам, насчитывало семьдесят тысяч душ. Медленно двигаясь, оно заполняло долину вслед за отступавшими турками, численностью которых не превышала пятнадцати тысяч.

¹² Рум – наименование Рима, а затем и Восточной Римской, или Византийской, империи в странах мусульманского владычества. У сельджуков так называлась Малая Азия, входившая в состав Византии. Руми – румийцы. (Примеч. перев.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.